

ВЕНЕЦИЯ МЕЖДУ ГВЕЛЬФАМИ И ГИБЕЛЛИНАМИ

Н. П. Соколов

Раздоры между гвельфами и гибеллинами в течение трех столетий (XII—XIV вв.) потрясали экономически развитую часть средневековой Италии. Для городов-республик Северной и Центральной Италии это была прежде всего внутренняя междоусобица, соперничество двух социальных сил — феодального дворянства и бюргерства. Время от времени эта борьба осложнялась соперничеством двух политических сил — папства и империи. Гибеллины видели в императорах защитников их феодальных интересов и в качестве таковых своих естественных союзников, вследствие чего гвельфам не оставалось ничего другого, как стать на сторону пап, хотя папство отнюдь не было носителем идеалов политического и экономического прогресса. При всем том состав этих партий не был всегда и безусловно постоянным: пополаны ряда городов бывали на стороне гибеллинов; некоторые гвельфы при изменившихся обстоятельствах становились гибеллинами; обе партии иногда действовали совместно. «Гвельфы и гибеллины — алгебраические знаки, за которыми может скрываться любой смысл»¹. И все же это было как бы отступлением от того общего правила, что итальянское бюргерство выступало под гвельфским знаменем, а их социальные противники — под знаменем гибеллинов.

Если столкновение папы Григория VII и императора Генриха IV сравнительно мало затрагивало итальянские коммуны, да и спорившие партии еще только набирали силы, то во второй половине XII в. итальянские города-республики были полностью втянуты в водоворот этой борьбы. Именно тогда они и приняли на себя наименования гвельфов и гибеллинов. Названия эти пришли из Германии, где они появились в первой половине XII в. в связи с соперничеством баварского герцогского дома Вельфов (гвельфы) с императором из дома Гогенштауфенов Конрадом III (гибеллины). Развитые города Средней и Северной Италии вышли победителями из этой борьбы, поскольку речь шла об абсолютистских притязаниях Фридриха Барбароссы, но внутренние противоречия остались, равно как остался незавершенным и спор между папством (гвельфы) и империей (гибеллины).

Во второй четверти XIII в. внутренние противоречия в городах Италии еще раз тесно переплелись с очередной вспышкой борьбы между папством и Гогенштауфенами. Тогда развернулись события, преисполненные глубочайшего драматизма. Гвельфы и на этот раз стали победителями, города отстаивали свою политическую независимость; но внутренние противоречия сохранились и в XIV в., хотя гибеллины уже не могли рассчитывать на помощь с севера.

Особое место среди развитых городов-республик Северной Италии занимала Венеция. Здесь не наблюдалось борьбы между гвельфами и гибеллинами, так как не было социальных сил, ведших эту борьбу в других городах. Господствующий класс Венеции, патрициат, состоял из купцов и ростовщиков, но уже в VIII в. его представители были одновременно и получателями феодальных рент, равно как и владельцы феодов занимались торговлей и ростовничеством². Земельные владения венецианского нобилитета были сосредоточены в основном за пределами лагуны: в Истрии и Далмации, на Апеннинском полуострове в районах Падуи, Тревизо и др., а с XIII в. также и в колониальных владениях Венеции на Востоке. Вместе с тем феодальная рента вене-

¹ «История Италии». Т. I. М. 1970, стр. 233.

² Н. П. Соколов. Метрополия Венецианской колониальной державы во второй половине XIII в. «Ученые записки» Горьковского университета, вып. XXVI, 1954, стр. 61—62.

цианской аристократии составляла лишь скромную часть ее бюджета: торговля и ростовщичество были главными источниками доходов. Венецианский патрициат, таким образом, состоял из лиц с одними и теми же социальными интересами.

В то время, когда в других городах Италии борьба гвельфов и гибеллинов принимала все более острый характер, в Венеции до начала XIV в. обстановка была более или менее спокойной, если не считать мелких вспышек недовольства городских низов политикой правившей аристократии³. Венеция скоро стала предметом удивления современников, следивших за борьбой претендовавших на власть партий в других городах-республиках. Автор одной из хроник XIII в. писал: «Счастлива Венецианская коммуна! Граждане ее во всех делах своих заняты только общими интересами, так что имя венецианское стало чем-то вроде символа (порядка)»⁴. Венеция спокойно наблюдала за расприями в других городах-коммунах; но дело коренным образом менялось, когда эти распри осложнялись борьбой посторонних сил. Венецианские политики справедливо считали, что независимость и благополучие республики могут быть гарантированы лишь до возникновения в Италии, в непосредственной близости от Венеции, сильного государства. Склонная вообще жить в мире с императорами, пока они занимались далекими от Венеции делами, республика круто меняла свою политику, когда они пытались свою номинальную королевскую власть в Северной Италии превратить во власть вполне реальную. Поведение республики св. Марка в ожесточенных столкновениях между папством и империей, между гвельфскими и гибеллинскими республиками Италии во второй половине XII и первой половине XIII в. наглядно продемонстрировало это.

Венецианская республика находилась в хороших отношениях с империей при последнем короле Франконской династии, Генрихе V (1092—1125 гг.), и при его преемнике Лотаре (1125—1137 гг.) из Саксонского дома, и, наконец, при Конраде III Гогенштауфене (1137—1152 гг.). Довольно долго такие отношения Венеции с империей сохранялись и при втором Гогенштауфене Фридрихе Барбароссе. В 1154 г., во время своего первого пребывания в Италии, он подтвердил Венеции все права и привилегии, которые были дарованы ей его предшественниками. На сейме 1157 г. в Безансоне венецианские послы приветствовали императора от имени дожа. Но все это продолжалось лишь до тех пор, пока Фридрих не обнаружил стремления стать подлинным распорядителем судеб Северной и Средней Италии.

Еще в 1154 г. на Ронкальских полях Фридрих изложил свою политическую программу, не сулившую северным городам Италии ничего хорошего. При этом император не ограничился декларацией. Милан воевал в этом году с гибеллинской Павией, ему было приказано прекратить военные действия. В следующем году император осаждал Тортону и опустошает поля Милана за помощь осажденному городу. В 1157 г. Милан вновь вызвал гнев Фридриха: город опять начал войну с Павией и победил ее. Император ответил на это при своем втором появлении в Италии в 1158 г. осадой Милана, овладел им и взял заложников. В следующем году Милан снова выступает против императора, оказав помощь осажденной им Креме. За это область его вновь была опустошена, а Крема в 1160 г. взята и сожжена⁵.

События принимали серьезный оборот. Политика сильной власти, которую проводил Фридрих в Северной Италии, заставила венецианцев опасаться за свою судьбу. Венецианские хронисты обвиняют Фридриха в стремлении подчинить себе и Венецию⁶. В 1161 г. Венеция все еще пытается поддерживать мирные отношения с императором, в этом году послы Фридриха еще были в Венеции; но развернувшиеся в это время в Италии события заставили республику св. Марка круто изменить свою политику.

³ См. Н. П. Соколов. Социальные группировки и социальная борьба в Венеции в период раннего средневековья. Сборник «Средние века». Т. VII. М. 1955, стр. 231, 232.

⁴ «Chronicon Rolandini Patavini». «Monumenta Germaniae historica». Scriptorum (далее—MGH. SS.). Vol. XIX, p. 62.

⁵ «Annales Mediolanenses». MGH. SS. Vol. XVIII, pp. 360—367; «Annales Pisani Bernardi Marangonis». MGH. SS. Vol. XIX, pp. 242—244.

⁶ «Annales Venetici breves». MGH. SS. Vol. XIV, p. 71; «Historia quicum veneticorum». MGH. SS. Vol. XIV, p. 76.

В 1160 г. возникло первое объединение городов Ломбардии — Ломбардская лига. Германский император немедленно начал войну против образовавшегося союза. В 1161 г. поля Милана были опустошены, а затем осажден и сам непокорный город. В марте 1162 г. он кастигулировал. На примере Милана император хотел показать, как он будет карать непокорные города Италии, он приказал разрушить дома, стены и башни города, засыпать рвы, «сровнять город св. Амвросия с землей», и «почти вся Ломбардия принимала участие в этой работе»⁷.

Для Венеции наступило время действовать. Весной 1162 г. гибеллины Падуи, Вероны, Феррары, Адрии и Ариано напали на город Коварчере и захватили его. Дож Витале Микеле отбил захваченный город и опустошил владения Адрии и Ариано, Фридрих ответил на это жалованной грамотой Генуе, которая, правда, не особенно усердно держала сторону императора. Эта грамота, датированная июнем 1162 г., показывает, что отношения между Венецией и императором испортились окончательно. «Городу Генуе,— писал император,— предоставляем мы полное право изгонять провансальских купцов, совершающих путешествие по морю с торговыми целями, а также купцов всего Венецианского принципата, если только они не сумеют снискать нашу благосклонность и доброе расположение». Нечто вроде блокады было объявлено Венецианской республике и на суше: «Теперь венецианцы не смели никуда больше показываться, кроме моря»,— сообщает анонимный автор «Истории дождей венецианских»⁸.

Венеция приступила к организации враждебного Фридриху союза на территории Веронской марки. «В это время (1164 г.),— говорится в «Анналах Лоди»,— жители Вероны, Падуи, Виченцы и других городов этой марки, за исключением небольшого числа оставшихся верными императору, восстали против него частью потому, что получили деньги от венецианцев, которые уже раньше стали императору в оппозицию, частью потому, что, как они говорили, были обременены вымогательствами императора»⁹. Затем созданный Венецией Веронский союз объединился со вновь возродившимся и усилившимся союзом городов Ломбардии. Папа Александр III прилагал все усилия к укреплению этого союза. С 1164 г. Фридрих с полным основанием считал республику св. Марка «возбудительницей мятежа и непокорности против нас и империи нашей»¹⁰.

Дела императора в Италии принимали дурной оборот: попытки бороться с могущественной лигой, предпринятые в 1163 и 1166 гг., не дали результатов, попытка направить против Венеции патриарха Аквилей и тревизанцев закончилась разгромом этого прелата и пленением его венецианскими войсками. Между тем обстановка в Германии складывалась так, что до 1174 г. Фридрих не мог появиться в Италии. Враждебные императору силы крепили все более и более: в 1168 г. против Фридриха образовалась могущественная итальянская конфедерация в составе более чем 14 городов Северной и Средней Италии. Папа был душой союза. Норманны с юга Италии поддерживали его, и даже византийский император некоторое время помогал союзу деньгами, которые поступали через Венецию.

Все говорило за то, что автократические планы Фридриха в Италии рухнули. Теперь Венеция решила, что ее участие в лиге гвельфских городов не является больше для нее необходимым. Не разрывая с союзом формально, Венеция ведет в 70-х годах независимую от гвельфов политику, и «венецианское правительство начало играть в театре событий роль зрителя в гораздо большей степени, чем актера»¹¹. В 1171 г. византийским императором Мануилом был нанесен тяжелый удар венецианской торговле во всех владениях империи, и когда войска Мануила появились в Анконе, Венеция без колебаний вступила в переговоры с Христианом, архиепископом Майнцским, который представлял тогда интересы Фридриха в Италии. В 1173 г. ве-

⁷ «Annales Mediolanenses», p. 373.

⁸ См. Н. К р е т с ч м а у г. Geschichte von Venedig. T. I. Gotha. 1905, S. 466; «Historia ducum veneticorum», p. 77.

⁹ «De rebus Laudensibus Acerbi Morenae continuatio». MGH. SS. Vol. XVIII, p. 642.

¹⁰ Из грамоты с привилегиями для Феррары от 1164 г. (см. Н. К р е т с ч м а у г. Op. cit., S. 466).

¹¹ R. Cessi. Storia della Repubblica di Venezia. Vol. I. Milano—Messina. 1914, p. 164.

нецианский флот и немецкие войска общими усилиями взяли Анкону. Легко себе представить негодование гвельфских союзников Венеции: республика клялась в верности союзу на 20 лет и изменила ему через два года!

В дальнейшей борьбе Ломбардской лиги с Фридрихом Венеция сохраняла строгий нейтралитет, вследствие чего не могла увенчать себя лаврами битвы при Леньяно (1176 г.), однако ухитрилась, вопреки воле ломбардских городов, но с соизволения папы, выступить с оливковой ветвью мира на Венецианском конгрессе 1177 г., где она в первую очередь позаботилась о расширении своих торговых привилегий во владениях побежденного Фридриха.

Подобным же образом вела себя Венеция и в XIII в., когда Гогенштауфены еще раз попытались овладеть непокорными городами Италии. Положение республики св. Марка на этот раз было нелегким. В начале века было закончено образование Венецианской колониальной империи. Политические заботы венецианского правительства резко возросли. В Истрии и Далмации венецианским владениям угрожали венгерские короли. На Крите участились восстания греческого населения против «латинского» господства. Негронт раздрали распри местных феодалов, в которые была втянута в качестве сюзерена и Венеция. Никея угрожала Латинской империи и привилегированному положению в ней республики. Венецианские колонии на восточном побережье Средиземноморья были свидетелями происходившего здесь окончательного крушения Иерусалимского королевства.

Однако, как ни важны были для Венеции восточные интересы, ее взоры в первую очередь были устремлены на то, что происходило в непосредственной близости от ее лагун. Удары, которые судьба могла ей нанести на Востоке, были бы ранами на ее конечностях, а на Западе она была бы поражена в самое сердце.

За исключением мелких столкновений с Падуей, Тревизо и Аквилеей, которые имели место в первой четверти XIII в., Венеция сохраняла мирные отношения с большинством городов Северной и Средней Италии, так как еще до начала 30-х годов XIII в. для дальновидных венецианских политиков стало ясно, что в Италии разгорается политическая борьба, исход которой не мог быть безразличным для Венеции. В Италии опять появилась сила, беспрепятственное развитие которой было бы очень опасным для Венеции,—этой силой был опять, как и в XII столетии, император, а сей раз внук Барбароссы, Фридрих II, бывший одновременно королем обеих Сицилий.

В его лице папство и гвельфские республики Ломбардии встретились с самым опасным врагом, который обладал не только силой, как Фридрих Барбаросса, но и был тонким дипломатом, чему могли позавидовать и «наместники св. Петра». Уже папа Иннокентий III почувствовал опасность соединения на голове этого Гогенштауфена императорской короны с тремя королевскими, но он умер в то время, когда эта опасность еще не приняла осязательных форм. При уступчивом преемнике Иннокентия, Гонории III (1216—1227 гг.), дело Фридриха II продвинулось довольно далеко по пути, намеченному этим императором; но взаимоотношения папы и императора резко обострились, когда понтификат перешел к решительному Григорию IX (1227—1241 гг.). Трактат С. Джермано 1229 г. и свидание между императором и папой, состоявшееся в 1230 г. в Ананьи, означали как будто торжество политики «св. престола» над «коварным Гогенштауфеном», но они принесли с собой не мир, а только кратковременную передышку, необходимую Фридриху для упорядочения дел в Германии и Сицилии,—борьба немедленно возобновилась, как только руки императора на севере и на юге оказались развязанными.

У Фридриха на первых порах не было никаких оснований ссориться с могущественной республикой Адриатики. В 1220 г. он подтвердил в своей грамоте прежние права и привилегии Венеции. Император именовал дожа самым лестным для того титулом — «светлейшим дожем венецианским, герцогом Хорватии и Далмации, властителем четверти и полчетверти Романии». В грамоте, по сравнению с пожалованиями предшественников императора, было сделано существенное добавление: в пункт 10-й, где речь шла о беспрошленной торговле венецианских купцов во владениях императора, включено было и королевство Италийское, «королевство наше», как именовал его Фридрих. Наконец, что для Венеции было особенно важно, свобода торговли в Адриатике предоставлялась купцам италийским только до Венеции, «но

не дальше»¹². Однако император благосклонно относился и к Генуе с Пизой, покровительствовал сицилийским купцам и признал за патриархом Аквилеи верховные права над Истрией, что создавало угрозу положению Венеции в истрийских городах. Венеция попробовала платить той же монетой, и когда в 1226 г. появилась вторая Ломбардская лига, то она объявила о своем нейтралитете и не оказала потом никакого содействия императору в его походе на Восток.

Фридрих еще раз попытался привлечь республику на свою сторону. В 1232 г. он приказал некоторым своим германским вассалам и сыну Генриху, королю Германии, явиться в Аквилею. Венецианцы не подали и виду, что поведение императора кажется им подозрительным,—они торжественно приняли его, а Фридрих, со своей стороны, «поклонился св. Марку» и сделал богатые подарки¹³. При этом венецианские политики не преминули воспользоваться случаем для того, чтобы расширить действие грамоты 1220 г., распространить ее также и на королевство Сицилийское. Привилегия 1232 г. обеспечивала венецианцам полную свободу и безопасность как личную, так и имущественную; предоставляла им право свободного вывоза и ввоза товаров во всех областях этого королевства; торговые пошлины устанавливала только в 1,5% при полном отсутствии всякого обложения золота, серебра и монеты и строго ограниченном корабельном сборе; освобождала венецианских купцов от «берегового права» и обязывала чинов королевства всячески содействовать операциям венецианских торговых людей и т. д.¹⁴. Но Венеции не удалось воспользоваться полученными льготами.

Италия разделилась на два лагеря. На стороне императора были Кремона, Бергамо, Реджо, Мутина, Парма и «некоторые другие, но немногие», как свидетельствует падуанская хроника Роландино¹⁵. Союз городов Ломбардии, Мархии, Романьи включал, кроме Милана, Брешии, Мантуи и Болоньи, также Фавенцу, Падую, Виченцу, Тревизо, владения маркиза д'Эсте. Верона некоторое время колебалась, но скоро стала на сторону императора. В городах, верных Ломбардской лиге, были, однако, враждебные партии, которые облегчали императору борьбу с гвельфскими противниками; но не было также, разумеется, единства и в гибеллинских городах. Гвельфы избивали и изгоняли гибеллинов, гибеллины — гвельфов. Жестокая политическая борьба потрясала Италию. Папе хотелось видеть на своей стороне могущественную Венецианскую республику. Григорий IX еще в 1227 г. особой грамотой установил, что город может быть подвергнут интердикту только со стороны самого «св. престола», а не каких-либо других представителей церкви¹⁶.

В Венеции очень внимательно следили за развитием событий. Представители ее аристократических фамилий, рассеянные в качестве подеста по городам Ломбардии, Мархии и Романьи, умело действовали в нужном для их родного города направлении. Пока чаша весов в развертывавшейся борьбе не склонялась определенно ни на ту, ни на другую сторону, Венеция выжидала. Скоро, однако, выяснилось, что продолжение такой политики становится более невозможным. Осенью 1236 г. войска Фридриха овладели Виченцей, разграбили и сожгли ее. Тогда же области Падуи и Тревизо были наводнены войсками императора и его сторонников, и только осложнения в Германии заставили Фридриха пока оставить их в покое, но не надолго: в феврале 1237 г. злейший враг гвельфов, вассал Фридриха Эццелино да Романо, захватил Падую, а затем и Тревизо. В августе в Северной Италии появился сам Фридрих и тотчас же овладел Монтекьяро, предместьем Брешии. Несколько позднее пала Мантуя. Затем ломбардцам был нанесен еще один удар: вассал Фридриха Салинггерра овладел Феррарой. Год закончился ужасной катастрофой под Кортенуова, где болонцы, новарцы, верчелльцы, брешианцы под предводительством старого врага Гогенштауфенов, Милана, были наголову разбиты императором и его союзниками, гибеллинами

¹² MGH. Leges. Constitutiones. Vol. I, pp. 93—95.

¹³ «Annales Placentini Guelfi». MGH. SS. Vol. XVIII, pp. 453, 454.

¹⁴ F. Carabellèse. Le relazioni commerciali fra la Puglia e la Repubblica di Venezia. Recherche e documenti. Vol. I—II. Trani. 1897—1898. Vol. I, doc., p. 52.

¹⁵ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 61.

¹⁶ «Fontes rerum austriacarum» (далее—FRA). Diplomata et acta (далее—DA). Vol. XIII, p. 264.

Италии. Сын дожа Якопо Тьеполо — Пьетро, подеста Милана, был взят в плен и вместе со священной колесницей Милана отправлен в Апулию ¹⁷.

Медлить больше было нельзя. Еще в этом же несчастном для лиги 1237 г. венецианский подеста Пьяченцы Р. Дзено, осуществляя указания дожа, всячески препятствует установлению мира между лигой и императором и изгоняет из города местных гибеллинов. Кортенуова и соединенные силы императорского сицилийского флота и гибеллинской Пизы заставили Венецию и Геную внять голосу неумолимого Григория IX и протянуть друг другу руки: в 1238 г. в Риме был заключен союзный договор, остававшийся некоторое время секретным ¹⁸. Морские силы обеих республик должны были взаимно поддерживать друг друга в водах Сицилии, Калабрии, Апулии и Принципато, неся на своих кораблях отличительные знаки обеих республик. Венеция постаралась оградить себя от необходимости стать на сторону Генуи против «сарацин», — республики договаривались о совместной борьбе лишь против императора. Они взяли на себя перед Григорием IX обязательство не заключать без его согласия в течение ближайших 9 лет мира с Фридрихом II: республики св. Марка и св. Георгия вместе со «св. престолом» готовились к длительной борьбе. Договор, впрочем, должен был возобновляться каждые четыре года. Несколько позднее в Ананьи был подписан между Венецией и Григорием IX дополнительный договор, обремененный 5 сентября 1239 г. в форму папской грамоты, по которой папа «великодушно» уступал Венеции любой пункт в Сицилийском королевстве, который попал бы в руки венецианцев, в качестве «лена дожу и коммуне на вечные времена» ¹⁹.

Фридрих уже давно заметил, что по крайней мере некоторые затруднения с Италией были вызваны политикой Венеции: рука св. Марка чувствовалась в действиях венецианских подеста по итальяским городам: ее он видел в суровой непреклонности римского первосвященника, ему на нее указывал его союзник патриарх Аквилеи. Он начал действовать против республики ее же оружием: заключил союз с Иоанном Ватаци, императором Никеи, наносившим Латинской империи удары, которые болезненно ощущались в Венеции; строил козни против венецианцев и императора Латинской империи в Болгарии при дворе Асеня II, способствовал рассеянию крестоносного ополчения, которое с таким трудом было собрано в Венеции на помощь восточному филиалу «св. престола»; несколько позднее подтолкнул на выступление против Венеции ее далматинских и истрийских вассалов.

Борьба в Италии между тем продолжалась. Обе стороны яростно осаждали враждебные города, опустошали поля вражеских областей, избивали пленных. Наступил 1239 год, который принес с собой папский интердикт против императора и открытое выступление Венеции на стороне гвельфов. Обиженный императором Альберико да Романо, брат Эццелино, внезапным ударом захватил Тревизо, прикрыв тем самым часть фланговых позиций Венеции на материке. Это дало возможность венецианцам принять живое участие в организации похода против Феррары. Основной причиной выступления Венеции на стороне гвельфов была боязнь образования в непосредственной близости от ее лагуны сильного централизованного государства, каким обещало быть государство Фридриха II; но направление отдельных конкретных ударов по враждебному гибеллинскому лагерю диктовалось также и другими соображениями, и прежде всего экономическими интересами. Именно такого рода ударом был поход против Феррары.

Феррара с ее известными ярмарками играла в конце XII и начале XIII в. важную роль в торговле Северной Италии. Венеция стремилась занять ее место. До поры до времени республика св. Марка воздерживалась от враждебных актов по отношению к своей сопернице — в 20-х годах XIII в. их взаимоотношения были мирными. В конце 30-х годов XIII в. создалась ситуация, при которой можно было добиться поставленной цели под вполне благовидным предлогом. С тем большей готовностью выступила Венеция против Феррары и скоро заняла в этом гвельфском походе руко-

¹⁷ «Chronicon Sycardi de S. Germano «notarii». MGH. SS. Vol. XIX, p. 375; «Chronicon Rolandini Patavini», p. 67; «Annales Justinae Patavinae». MGH. SS. Vol. XIX, p. 156.

¹⁸ Известную роль при этом сыграла также и неудачная попытка генуэзцев договориться с императором Никеи Иоанном Ватаци о совместных действиях на Востоке (A. D a n d u l i. Chronicon. Muratori RIS. Vol. XII, col. 350).

¹⁹ F. C a r a b e l l e s e. Op. cit., doc., pp. 52—53.

водящее положение. Совместно с папским легатом Григорием Монтелонго, мантуанцами, болонцами, маркизом д'Эсте и епископом Феррары венецианцы осадили город с суши, а их флот перерезал его сообщение с гибеллинскими городами по воде. Вассал Фридриха Салингерра мужественно защищал Феррару, имея в своем распоряжении несколько сотен немцев и милицию Кремоны, Пармы, Реджо, Мутины и Вероны. Занятый борьбу в папской области, Фридрих не мог оказать помощь осажденному городу, и в начале июня 1240 г. Феррара капитулировала, после того как венецианцы получили подкрепление из Венеции во главе с самим дожем Якопо Тьеполо. Салингерра сдался дожу и папскому легату. По распоряжению дожа пленник был отправлен в Венецию, где он и нашел свой конец в одной из тюрем²⁰.

В том же году венецианский флот под начальством Джованни Тьеполо направился к берегам Апулии, нападая на корабли дружественных Фридриху городов и опустошая Апулийское побережье. Высадившись здесь, венецианские моряки и пехота овладели Роди, Вестией и Бестиче. Непосредственная угроза нависла над Бриндизи, но в это время в Адриатике появились императорские корабли. Венецианский флот прекратив сухопутные операции, отразил нападение с моря и возвратился в Венецию. Император приказал в качестве мести ненавистному врагу повесить взятого в плен при Кортенуова сына дожа и брата венецианского адмирала Пьетро²¹. Опустошив территорию Анконы, взяв Равенну, Фридрих приступил к осаде Фавенцы. Только в следующем, 1241 г. после нескольких месяцев осады Фридриху удалось овладеть этим небольшим городом.

В 1241 г. непримиримый враг Гогенштауфенов Григорий IX умер, но его второй преемник, избранный в 1243 г., Иннокентий IV, оказался не менее упорным и важным противником. Войне в Италии не предвиделось конца. На каждый удар Фридриха его враги отвечали контрударом. Бежавший под защиту французского короля римский первосвященник созвал в Лионе церковный собор, который должен был судить императора. Лион формально находился на территории империи, но Иннокентий IV чувствовал себя здесь в безопасности и усиленно разжигал пламя войны и в Италии и в Германии. Дальновидные венецианские политики безошибочно определили, что острота кризиса и опасность войны, по крайней мере для Венеции, миновали: абсолютистские притязания императора встретили непреодолимое препятствие.

Теперь можно было отойти в сторону, так же, как это сделала Венеция в 70-х годах XII века. Обида, нанесенная дожу императором, была велика, но глава венецианского правительства не мог руководствоваться личными мотивами при разрешении дипломатических вопросов. В 1245 г. состоялся созванный Иннокентием IV Лионский собор. На нем от Венеции присутствовали трое представителей светлейшей синьории — Райнерио Дзено, Марино Моросини и Джованни да Канале. Венецианские послы на обратном пути были захвачены герцогом Савойским, который отправил их в распоряжение своего сюзерена. С ним и начаты были переговоры. Разумеется, никаких решений венецианские послы принять не могли, — у них не было на это необходимых полномочий, но, будучи отпущены домой, они унесли с собой убеждение в мирных намерениях императора²². Не нарушая формально соглашения с

²⁰ M. da Canal. Chronique des Veniciens. Vol. VIII. 1845, p. 378; «Annales Veroneses». MGH. SS. Vol. XIX, p. 11; A. Dandolo. Op. cit., col. 351—352.

²¹ «Annales Placentini Gibellini». MGH. SS. Vol. XVIII, p. 484.

²² В литературе можно встретить прямо противоположное истолкование этой политики Венеции: Венеция считала дело Фридриха верным, победу его обеспеченной и не хотела больше терять деньги и людей (см., например, H. Kretschmar. Op. cit. T. II, S. 46). Никаких доводов в пользу подобного взгляда сторонники его не приводят, и нужно признать ни на чем не основанным утверждение, что послы Венеции на Лионском соборе заключили с императором мирный договор. Это неверно уже по одному тому, что в незначительном объеме военные операции против Фридриха Венеция продолжала и после 1245 г., и, кроме того, это можно установить из рассказа Дандоло, который, приведя слова Фридриха, обращенные к венецианским послам, — «Вы не должны воевать против императора, не в ваших это интересах», — добавляет далее: «На что послы мудро принесли ему красиво выраженные, но неистинные извинения» (A. Dandolo. Op. cit., col. 356). Из всего этого следует, что никакого мирного договора Фридриха с Венецией в 1245 г. заключено не было, потому не удивительно, что «условия его остались неизменными», как пишет, например, один из сторонников приводимого взгляда (A. Schaub. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge. B. 1909, S. 496).

Генуей, которая продолжала вести ожесточенную борьбу с союзником Фридриха Пизой, не разрывая со «св. престолом», Венеция постепенно и незаметно выходила из потерявшей для нее смысл борьбы, ей теперь было ясно, что сильного государства в непосредственной от нее близости уже нет. Это, может быть, был и «мудрый, продиктованный соображениями общего блага», как пишет историк Венеции Р. Чесси²³, поворот в венецианской политике, но такой, который отчасти граничил с изменой общему делу. Правда, в «Больших анналах Пармы» мы находим краткое упоминание об участии венецианцев в продолжавшейся войне и после 1245 г.— в 1247 г. в большой союзной армии под руководством кардинала Октавиана, которая действовала в районе Пармы, мы видим среди прочих союзников также и венецианцев,— но не видно, чтобы они здесь играли сколько-нибудь значительную роль²⁴. Война для Венеции была практически окончена.

Прогнозы венецианских политиков оказались верными: император был не в состоянии одолеть своих многочисленных противников, и когда он в 1250 г., по выражению хрониста св. Юстины в Падуе, «сошел в преисподнюю, не унеся с собою ничего, кроме мешка с грехами»²⁵, то дело его было окончательно проиграно, хотя борьба все еще продолжалась. Для Венеции, однако, в процессе борьбы против гибеллинов в непосредственной от нее близости возникла такая политическая ситуация, с которой она примириться не могла в силу принципа — не допускать рядом с собой никакого сильного государства. Таким опасным соседом оказался в 40-х годах XIII в. уже упоминавшийся выше Эццелино да Романо. В ходе борьбы своего сюзерена с папой и его союзниками Эццелино создал большой комплекс владений в Ломбардии и «марках». Ему принадлежали Верона, Падуя, Виченца, Эсте, почти вся Тревизанская марка, за исключением самого города Тревизо, в котором правил его брат Альберико, в то время еще союзник гвельфов. Эццелино стремился овладеть Тревизо,— по понятной причине венецианцы чинили ему в этом препятствия, поддерживая Альберико. Это побудило Эццелино начать в 1248 г. враждебные действия против самой Венеции. В непосредственной близости от города Эццелино возвел укрепления в районе С. Иларио и отсюда мешал венецианцам в ловле рыбы и добыче соли и причинял им всякий другой вред и насилия. Начал он все это делать, впрочем, лишь после того, как все его попытки договориться с могущественной республикой не привели к положительным результатам.

Венеция тогда же, в 1248 г., снарядила против Эццелино военную экспедицию во главе с сыном дожа Джованни Тьеполо. Ему удалось овладеть укреплениями, из которых гарнизон Эццелино «вредил» венецианцам. Взятые при этом пленные, в составе которых было немало падуанцев, находившихся под властью Эццелино, встретили к себе милостивое отношение дожа, так как Венеция надеялась сделать Падую своей союзницей в дальнейшей борьбе. По этой же причине венецианский главнокомандующий не подверг опустошению падуанскую территорию, на что, по тогдашним понятиям, он имел основание по праву войны. Здесь источник об этих событиях, Канале, не без основания указывает и другую причину такой политики венецианцев: Венеция на территории Падуи имела значительные экономические интересы, которые могли бы пострадать, если бы война с Эццелино переросла в войну против этого города,— в Падуанской области, особенно в районе Монселиче, у венецианской знати, церквей и монастырей были многочисленные феодальные владения, которые надо было щадить²⁶.

Устранив непосредственную опасность для своих владений, не расположенная вести войну с новымленным тираном один на один, Венеция в 1249 г. прекратила военные операции. Это было как раз вовремя. Пизанцы, мощь которых уже значительно была подорвана, но все еще не сломлена Генуей, организовали пиратское нападение на венецианские корабли. Это побудило Венецию направить в район Стимфалии небольшой флот под начальством Доменико Сануто, который и нанес серьезное поражение пизанским кораблям: из трех пизанских галер две были захвачены вместе с находившимися на них экипажами.

²³ R. C e s s i. Op. cit., p. 233.

²⁴ «Annales Parmenses Majores». MGH. SS. Vol XVIII, p. 674.

²⁵ «Annales Justinæ Patavinæ», p. 161.

²⁶ M. d a C a n a l e. Op. cit., p. 414.

После этих событий Венеция в течение некоторого времени наслаждалась миром. В этом была заслуга энергичной политики дожа Якопо Тьеполо, который в 1249 г. умер после 20 лет правления. Его место занял Марино Моросини (1249—1253 гг.). «Время его правления прошло без войны,—пишет Канале.—Венецианский флот ходил в морские дали без конвоя из галер... Море было очищено от пиратов, и венецианцы привозили товары в Венецию, а купцы со всех стран покупали эти товары здесь на самых разнообразных условиях и развозили их по своим странам»²⁷.

Мир этот, впрочем, не был продолжительным. Уже при преемнике Марино Моросини доже Ройнерио Дзено (1253—1268 гг.) война сделалась для Венеции неизбежной, и опять с Эццелино. Причина была все та же: Эццелино явно стремился превратиться в могущественного государя Италии. Ходили слухи, что после смерти Фридриха II он склонен рассматривать себя в качестве его наследника, по крайней мере в отношении его североиталийских владений. Авторы гвельфских анналов Италии XIII в. рисуют этого феодала в самых мрачных красках, не скупясь на такие выражения в его адрес, как «слуга сатаны, рогоносец дьявола, кровопийца рода человеческого, ненасытный враг церкви, убежище еретиков»²⁸. Вероятно, многое в этих характеристиках было плодом ненависти папистов, из среды которых происходили авторы этих хроник; но также несомненно и то, что это был один из ранних представителей тирании в городах Италии, не стеснявшийся в выборе средств борьбы против своих политических врагов,—даже гибеллинские анналы Пьяченцы называют его «мужем со свирепейшей душой»²⁹. Эти черты характера и поведение Эццелино побуждали Венецию вдвойне враждебно относиться к росту его могущества и принимать самое деятельное участие в борьбе с ним папства и городов Северной Италии.

В 1254 г. умер непримиримый враг гибеллинов папа Иннокентий IV; но борьба гвельфской партии и папства с преемниками Гогенштауфенов продолжалась. Венеция поддерживала гвельфов, когда речь шла об уничтожении могущества Эццелино, но вовсе не желала втягиваться в борьбу с Манфредом, управлявшим Южной Италией от имени малолетнего Конрадина. Манфред не представлял опасности для Венеции, а коммерческие интересы республики требовали беспрепятственной торговли с Апулией и Сицилией, причем для Венеции особое значение имели закупки хлеба в этих районах. По этой причине республика св. Марка вступила в переговоры с Манфредом, закончившиеся заключением договора между обоими государствами в 1257 году. В своих пожалованиях от имени сицилийского короля Конрада V (Конрадина Гогенштауфена) Манфред воспроизводил привилегию Фридриха II, дарованную Венеции в 1232 году. Кроме того, Манфред разрешал венецианским купцам производить в его владениях закупку хлеба и организовывать свои консульские пункты, где бы они ни пожелали. Венеция, со своей стороны, обязывалась не чинить препятствий деятельности апулийских и сицилийских купцов на венецианском рынке, поскольку они сбывали здесь товары своего местного производства,—для таких операций был даже установлен льготный тариф; но категорически воспрещался завод всяких других товаров во все порты от Задара до Анконы, равно как не допускались операции по торговле с иноземными купцами на венецианском рынке. Республика св. Марка при этом сохранила за собой право судить в своих собственных судах апулийских и сицилийских купцов, нарушавших обусловленный в договоре порядок торговли.

Условия договора были выгодны для обеих сторон: Манфреда они избавляли от одного из опаснейших потенциальных врагов, Венеции они предоставляли рынок для закупки и продажи товаров. По этой причине условия данного соглашения в 1259 г. еще раз были возобновлены, причем Манфред, над которым сгустились тучи гвельфской угрозы, пошел на дальнейшие уступки. Обложение торговых операций было снижено до 0,5% с одних товаров и до 1%—с других. Хлеб можно было вывозить независимо от уровня цен на местных рынках из ряда портов, которые при этом были перечислены. Не только венецианские, но также задарские и дубровницкие купцы, поскольку Задар и Дубровник находились теперь в зависимости от Венеции, могли

²⁷ Ibid., p. 416.

²⁸ «Annales Justinæ Patavinæ», p. 159.

²⁹ «Annales Placentini Gibellini», p. 510.

пользоваться выгодами этого договора. На этот раз экономические статьи трактата дополнялись политическим соглашением, в силу которого Манфред брал на себя обязательство не вступать ни в какие соглашения с врагами Венеции, так как это могло повредить республике, а она, в свою очередь, обещала Манфреду нейтралитет в предстоящей ему борьбе³⁰.

Иной была позиция Венеции по отношению к Эццелино да Романо. Возраставшая мощь этого феодала угрожала не только безопасности республики, но также и ее экономическим интересам: в случае упрочения его положения рынки Северной Италии оказались бы в его руках, обширные земельные владения венецианской знати и клира в «марках» попали бы в полную зависимость от него. Все это могло обойтись слишком дорого венецианскому правящему классу, чтобы он мог остаться безучастным к возраставшей мощи этого вассала Гогенштауфенов. В 1256 г. в Венецию прибыл папский легат архиепископ Равенны Филипп. Здесь в торжественной обстановке, в присутствии многочисленных представителей высшего венецианского духовенства и прелатов других городов и областей Италии, в том числе и патриарха Аквилей, который на этот раз оказался в одном лагере с Венецией, от имени папы Александра IV был объявлен крестовый поход против «врага церкви и св. престола» Эццелино. Дож Райнерио Дзено держал речь перед собранием венецианской знати о необходимости действовать в духе сотрудничества со «св. церковью».

Венеция, поставив во главе своих войск Томмазино Джустиниани, вместе с эмигрантами из Падуи, выбравшими себе в качестве подеста также венецианца Марко Квирины, направили свои силы к Падуе. Город защищал вассал Эццелино Анседизий. Под городом собрались, кроме венецианцев и падуанских эмигрантов, также феррарцы, тревизанцы и некоторое количество войск из Виченцы. Идейно-политическое руководство было за папским легатом, военное — за венецианцем Марком Бадозро³¹. К началу лета 1256 г. Падуя была взята. Часть ее защитников вместе с Анседизием бежала к Эццелино, который не смог вовремя помочь своему осажденному в Падуе вассалу. Марко Квирины стал теперь общепризнанным главой в городе. Вслед за этим союзники овладели Монселиче, и таким образом вся Падуанская область оказалась в их руках.

Эццелино, получив известие о падении Падуи, сконцентрировал свои войска в районе Вероны. Союзники же, пополнив свои силы новыми отрядами, в самом начале июня 1256 г. выступили против Эццелино. Однако наступательные действия пришлось прекратить, так как на стороне Эццелино теперь оказался его брат Альберико, перебивший гвельфское знамя на гибеллинское. Венецианцы и их союзники — маркиз д'Эсте, патриарх Аквилей, падуанцы возвращаются в Падую. Скоро здесь появился Эццелино со своей армией, в состав которой входили гибеллины из Виченцы, Павии, Фельтре, Кремоны, Беллуно, Бергамо и других городов Северной Италии. Эццелино искал открытого сражения, но венецианцы, игравшие главную роль в обороне Падуи, по приказу дожа держались оборонительной тактики. Эццелино овладел рядом пригородов Падуи и даже самым городом, но не был в состоянии захватить его цитадель, где засели венецианцы с их союзниками. Несколько предпринятых им штурмов не принесли желаемого успеха. Тогда Эццелино, прекратив осаду, в конце лета 1256 г. направился к Брешии, которую защищали гвельфы под командованием папского легата.

В последующие два года борьба шла с переменным успехом. Не только венецианские, но и падуанские источники утверждают, что Венеция в этой борьбе проявила особую настойчивость и упорство³². Преследуемые в гибеллинских городах гвельфы ищут спасения в Венеции. Особенно много бежало сюда бывших сторонников Альберико, тревизанцев, которых он жестоко преследовал. После того, как Эццелино разбил войска папского легата Филиппа, а его самого захватил в плен, после того, как им была взята Брешия и опасность стала угрожать Милану, Венеция с неослабевающей энергией продолжала войну. Канале сообщает, что на папскую проповедь

³⁰ F. Carabellese. Op. cit., doc., pp. 53—58.

³¹ M. da Canale. Op. cit., pp. 422—427.

³² «Annales Justinæ Patavinae», p. 168; «Chronicon Rolandini Patavini», pp. 124 ss.; M. da Canale. Op. cit., p. 438.

нового крестового похода против удачливого последыша Гогенштауфенов Венеция откликнулась с полной готовностью вести борьбу до конца³³, несмотря на то, что и в Сирии и в пределах Латинской империи ход событий требовал со стороны республики св. Марка самого пристального внимания.

1259 год принес наконец долгожданную удачу. Сторонники папы под руководством папского легата продолжили военные действия. Эццелино добился новых успехов: он победил при Форли—склонил на свою сторону даже часть миланцев, «уже дух Эццелино воспарял в высоту»³⁴, по выражению Падуанской хроники, но судьба подстерегала его. На реке Адде в сентябре 1259 г. он с небольшим отрядом был окружен войсками папского легата, ранен, взят в плен и через короткое время умер в замковой тюрьме маркиза д'Эсте. «Могущественное племя венецианское,— писал находившийся в Венеции хронист св. Юстины Падуанской, которое столь часто по милосердию божию торжествовало над своими врагами, услышав, что пал ненавистный тиран, сильно возрадовалось»³⁵. И было отчего: противник республики, в руках которого находилась значительная часть Северной Италии, более не существовал, теперь, добив сторонников Эццелино, можно было вплотную заняться восточными делами. Разложение в стане Эццелино пошло быстрыми темпами: смирилась Виченца, сдались Бассано и Тревизо. Альберико, искавший здесь спасения, вынужден был укрыться в расположенном недалеко от Тревизо замке св. Зенона. Венеция оккупировала Тревизо, в городе появился венецианский подеста. Последовательная в своих действиях республика вместе с падуанцами и тревизанцами осадила Альберико в его убежище. В 1260 г. все было кончено: Альберико сдался, шесть его сыновей на глазах у отца были умерщвлены, был обезглавлен затем и он сам, а его жена и две дочери были сожжены заживо на одной из площадей Тревизо³⁶.

Последние годы XIII и первая половина XIV в. были временем трех вспышек внутривитической борьбы в Венеции: заговора Бокконьо в 1300 г., восстания Баямонто Тьеполо в 1310 г. и попытки низвержения олигархического режима, предпринятой дожем Марино Фальери в 1355 году. Из них наибольшее значение по размаху движения имело восстание Баямонто Тьеполо, и именно в связи с этим восстанием боровшиеся тогда за власть партии названы в источниках гвельфами и гибеллинами. Это — свидетельство падуанского гуманиста Альбертино Муссато, современника событий, и хрониста Джованни Виллани. Муссато в своем сочинении, которое он назвал «Историей о делах итальянских после императора Генриха VII», писал: «Знатнейший город, владычица Адриатики... Венеция жила морскою торговлей, свободная от ужасов (борьбы) гвельфской и гибеллинской партий... И вот в этом городе, куда стекались со всех сторон богатства, обнаружился порок зависти, прирожденное соперничество знати из-за преобладания». Для Муссато Баямонто Тьеполо был главой гвельфской партии, а его противник, дож республики Пьетро Градениго, возглавлял гибеллинскую часть знати³⁷. Виллани говорит о восстании Тьеполо в девятой книге своих «Флорентийских историй» и также именует вождя восстания и его сторонников гвельфами, а главу венецианского правительства и стоявшую за ним знать—гибеллинами. Вторую главу девятой книги хроники Виллани так и назвал рассказом о том, «Как гвельфская партия была изгнана из Венеции». «Это было,— замечает он,—первым случаем внутреннего раздора, когда-либо имевшего место в Венеции»³⁸.

Нельзя согласиться с такой трактовкой этого движения, если, конечно, не считать названия гвельфов и гибеллинов «алгебраическими знаками», за которыми может крыться что угодно. Прежде всего сами участники движения, сторонники Б. Тьеполо, и его противник, дож П. Градениго, гвельфами и гибеллинами себя не назы-

³³ M. da Canale. Op. cit., p. 438.

³⁴ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 137.

³⁵ «Annales Justinae Patavinae», p. 175; M. da Canale. Op. cit., p. 442.

³⁶ «Chronicon Rolandini Patavini», p. 146.

³⁷ A. Mussato. De gestis italicorum post Henricum Septimum Caesarem historia. Muratori. RIS. Vol. X, lib. II, col. 583; G. Villani. Istorie Fiorentine. Muratori. RIS. Vol. XIII, lib. IX, XI.

³⁸ G. Villani. Istorie Fiorentine. RIS. Vol. XIII, col. 445.

вали. Как та, так и другая группа участников борьбы принадлежала к одному и тому же социальному слою. «Гвельф» Б. Тьеполо был крупным феодалом, имел большие владения на Балканском полуострове, «гибеллинская фамилия» Градениго принимала активное участие во всех видах деятельности, которые обогащали торговую республику. Эта схватка двух родственных социальных группировок напоминала скорее борьбу двух Андроников и двух Иоаннов в Византии, Белой и Алой роз—в Англии, арманьяков и бургундцев во Франции. Муссато, не вдаваясь в социальную суть дела, просто воспользовался привычными наименованиями соперничавших тогда партий в городах-республиках Италии³⁹. Причины, побудившие Виллани навязать гибеллиństwo венецианскому правительству, объясняются им в одиннадцатой книге своего труда, где речь идет о событиях 1308 г., когда Венеция покушалась на овладение Феррарой, за которую вступились папа и Флоренция. По этому поводу Виллани пишет: «Венецианцы стали естественными сторонниками императора и гибеллинами, в то время как флорентийцы, душой преданные св. церкви, были гвельфами»⁴⁰. При таком понимании дела было вполне логично видеть в венецианском правительстве Градениго гибеллинов, что автоматически превращало Тьеполо в гвельфа.

В действительности Венеция никогда не была ни гвельфской, ни гибеллинской. Только непосредственные интересы республики, ее независимость, могущество и богатство были близки к правящей олигархии. Нейтралитет в борьбе гвельфов и гибеллинов был для Венеции краеугольным камнем политики, ее политической традицией, и если она на протяжении двух столетий дважды на некоторое время становилась под гвельфское знамя, то только потому, что в гибеллинских домогательствах Гогенштауфенов она видела главную для себя опасность. В XIV и в начале XV в. политическая обстановка в Германии была такова, что императорам не приходилось серьезно думать об упрочении своей власти в Италии, поэтому итальянские походы Генриха VII, Людовика Баварского и Карла IV не походили на абсолютистские покушения Гогенштауфенов. Перед Венецией вставали новые трудности и заботы как на Востоке, так и на Западе, но они уже не были связаны с затихавшей борьбой гвельфов и гибеллинов.

³⁹ Этим же объясняется и позиция хроники св. Юстины Падуанской, которая также называет правительственную партию гибеллинской. «Annales Justinae Patavinae», p. 599.

⁴⁰ G. Villani. Op. cit., col. 786.